

О синтаксической форме слова

Последние полтора-два десятилетия советское языкознание успешно разрабатывало проблемы словосочетания. “Введение в синтаксис” академической грамматики положило теоретическое начало изучению словосочетания на новом, после Фортунатова – Пешковского – Петерсона, этапе развития нашей науки. Описательная часть академической грамматики была первым опытом практического применения (правда, весьма еще непоследовательного) этой теории. Появившиеся за ней статьи, исследования свидетельствовали об известном увлечении проблематикой словосочетания.

Однако всякое увлечение страдает односторонностью. Стремление обнаружить в любых соединениях слов парное словосочетание, являющееся более сложным, чем слово, обозначением понятия и обладающее системой форм, наталкивалось на сопротивление материала. Это, в свою очередь, вызвало усиление внимания к области “слабого управления”, “детерминации”. Поиски показали, что это направление чрезвычайно важно для изучения синтаксических свойств слова и структуры предложения, но пока еще не определили явлений, стоящих за терминами.

Вопрос о синтаксических единицах, об объекте синтаксического изучения – извечный вопрос синтаксиса – еще с античных времен представлялся дилеммой: предложение или словосочетание? Во “Введении в синтаксис” академической грамматики с наибольшей отчетливостью выражено диалектическое решение этой дилеммы: и предложение и словосочетание – объекты синтаксической науки, но разных ее разделов, разных уровней. Предложение – основная коммуникативная единица речи; словосочетание, как и слово – номинативная единица и в качестве таковой представляет собой строительный материал для предложения.

Такое решение само по себе имеет принципиальное значение для развития синтаксической теории, но оно требует дальнейшего развития и уточнения. Вытекающее отсюда положение, что предложения состоят из слов и словосочетаний, справедливо только в самом общем смысле.

Если под структурой предложения понимать закономерную организацию элементов, составляющих целое, то прежде всего надо определить, что такое элемент целого, единица, из соединения которых составляется целое, а затем установить принципы, закономерности организации этих единиц в целое.

Можно ли считать, что слова и словосочетания являются структурными элементами, единицами предложения?

Положительно ответить на этот вопрос не позволяют следующие обстоятельства. Во-первых, словосочетание не является первичной единицей синтаксиса, оно само представляет собой некое соединение элементов.

Во-вторых, не все слова в предложении входят в словосочетания (что отмечено было во “Введении в синтаксис” и позже показано Н.Ю. Шведовой)¹.

Возможны, наконец, предложения, в которых вообще нет парных словосочетаний (*Перед зарей в лесу тихо; Ночами звуки редки; Я снова посудником на пароходе “Пермь”;* *Ни ложки, ни ложки в доме не стало; Ему и больно и смешно* и т. п.).

Слова не являются структурными единицами предложения потому, что это единицы лексики, из слов самих по себе как лексических единиц предложение не организуется.

Грамматические категории частей речи тоже не представляют собой структурных синтаксических единиц. Можно сказать, что имя существительное соединяется с глаголом предикативной связью, но это еще не открывает нам структуры предложения, его организации. Ср. такие разнообразные модели предложений, как *Грачи улетели; Царица хохотать; Быть буре; Тянет гарью; Сосед выпивши* и т. д.

¹ См.: Н.Ю. Шведова. Детерминирующий объект и детерминирующее обстоятельство как самостоятельные распространители предложения. “Вопросы языкознания”, 1964, № 6.

Члены предложения тоже не являются структурными его единицами. Это скорее логические, чем синтаксические, категории. Предложение не строится из членов предложения. Слова, вошедшие в предложение, подводятся под роль того или иного члена. Еще в 1936 г, акад. Л. В. Щерба говорил о членах предложения, что “дифференциация их потеряла всякий кредит”².

Не менее важно и то, что существующая иерархия членов предложения – главных и второстепенных – часто не соответствует действительной значимости этих членов как в организации, так и в семантике предложения. Немало моделей предложения с точки зрения школьной грамматики организуется без одного, а то и без обоих главных членов: *Душе не до сна; Времени в обрез; Денег ни гроша; Ему за пятьдесят; Присутствующих – с полсотни* и т. п.

Приходится признать, таким образом, что первичный элемент структуры предложения еще не определен.

Думается, что синтаксические поиски сковывает абсолютизация иерархического принципа, принятого традиционной грамматикой, – принципа анализа от господствующего элемента к зависимому, от главного члена к второстепенному.

Один из возможных путей – высвободить синтаксические формы из этой, иногда, может быть, мнимой, зависимости и рассмотреть, какими свойствами, функциями и возможностями располагают они сами по себе.

Этот путь подводит к необходимости ввести в научный оборот понятие синтаксической формы слова.

Под синтаксической формой слова понимается первичная синтаксическая единица, которая выделяется на основе категориально-лексического значения и морфологической формы слова (включая предлог для предложно-падежных форм) и характеризуется синтаксической функцией. Функцией в синтаксисе является тот способ, которым синтаксическая единица участвует в построении связной речи. Функциональные признаки синтаксических форм слова – это способность или неспособность участвовать в структуре предложения, в структуре словосочетания и выступать в самостоятельной позиции, вне предложения и словосочетания. Таким образом, синтаксическая форма слова отвечает следующим условиям первичного синтаксического элемента: она неразложима далее на синтаксическом уровне, в определенных сочетаниях синтаксические формы образуют все более сложные синтаксические построения и дифференцирующими признаками их являются именно синтаксические свойства.

Рассмотрим синтаксические свойства предложных и предложно-падежных форм, которые принято рассматривать как зависимые элементы словосочетаний и второстепенные члены предложения.

Сравним словоформы двух рядов:

1. *В лесу; для человека; у строителей; из писем; на баррикадах; друзьям; против агрессии; после выборов; на выставку; о детях; к сибирякам; без промаха; по возвращении; за мужество* и т. д.

2. *Румянцем; брата; решению; в привязанность; по семье; с причиной; за применением; над невежеством; рубля; на нерасторопность* и т. д.

Словоформы первого ряда встречаются в такой крайне независимой функции, как функция заголовка, где они вполне достаточны для обозначения необходимого понятия. Их лексико-категориальное значение (индивидуальное, но в ряду подобных слов, представляющих ту же категорию) вместе со значением предлога и падежной формой создают значение более высокой ступени абстракции (значения места, времени, источника, назначения, адресата, направления и т. д.).

² Л. В. Щ е р б а. О второстепенных членах предложения, В кн. “Избранные работы по языкознанию и фонетике”. Т. 1, Л., 1958.

Словоформы второго ряда не употребляются в качестве заголовка. Их лексико-грамматическое значение указывает лишь на то, что эти словоформы могут быть зависимым компонентом того или иного словосочетания и лишь в составе его окончательно “проявляются” (ср., например: *ждать, искать брата; ожидание, поиски брата; любить, воспитывать брата* и т. д.; *любоваться румянцем, отличаться румянцем, радовать румянцем; способствовать, мешать решению; предпочитать неопределенность решению; верить в привязанность, превращение знакомства в привязанность* и т. д.). В предложении эти словоформы могут войти только в составе соответствующих словосочетаний, в качестве членов, распространяющих господствующее слово и управляемых им, и грамматическая их форма является средством выявления их зависимости от господствующего слова, выявления их подчиненного положения.

В отличие от управляемых словоформ словоформы первого ряда в предложение могут войти самостоятельно, не подчиняясь никакому другому слову, как структурно-смысловой компонент предложений разных типов, ср.: *В лесу; В лесу вереск и сосны кривые; Очень уж тихо в лесу по ночам; В лесу стемнело; В лесу не молкнет птичий гам; У строителей; У строителей праздник; У строителей перевыполнен план; У строителей все в порядке; У строителей работает комиссия* и т. д.

Словоформы первого ряда назовем свободными синтаксическими формами имени существительного. Это неуправляемые падежные и предложно-падежные формы, имеющие самостоятельное структурно-семантическое значение, что подтверждается их функционированием в качестве заголовков. Основная их синтаксическая функция – распространителей, реже – организаторов предикативной основы предложения.

Словоформы второго ряда – это связанные, управляемые синтаксические формы. Они распространяют слово в составе словосочетания, заданы господствующим словом, предсказуемы, зависят от него. Вне словосочетания не употребляются. В предложении участвуют через словосочетание, служа для распространения других синтаксических форм, так же, например, как и согласуемые формы прилагательных и местоимений. При этом участие их в тех или иных типах предложений регламентируется свойствами господствующего слова. В структурно-смысловой несамостоятельности роль связанных синтаксических форм сближается с ролью флективных морфем, хотя, кроме прочего, отличает их то, что флексия “открывает” отношение слова с другим словом (перспективна), а связанная синтаксическая форма – “закрывает” (ретроспективна).

Кроме связанных (управляемых) и свободных (неуправляемых) синтаксических форм имени, выделяются еще конструктивно-обусловленные формы. Они тоже неуправляемые, т. е. не являются предсказуемым зависимым членом словосочетания, но в отличие от свободных они не имеют самостоятельного номинативного значения. Как и у связанных форм, значение их выявляется только в синтаксическом контексте. Как черная пленка, на которой не видно изображения, проявляется только в определенной химической среде, так связанные и конструктивно-обусловленные синтаксические формы проявляют себя, выступают со своим синтаксическим значением в определенной синтаксической среде, в синтаксической ситуации. Разница лишь в том, что для связанных форм такой синтаксической средой является словосочетание, а конструктивно-обусловленные формы реализуют свое значение в определенной структуре предложения, с определенным типовым значением, выступая в качестве одного из двух взаимообусловленных организующих центров предложения: а) *Дел множество; Совести ни грамма; Мальчиков было четыре; Гостей не перечесть; Забот хоть отбавляй;* б) *С дровами беда; С дисциплиной не ладится; С путевками все в порядке; С этой работой дело обстоит лучше;* в) *Сложность – в подборе людей; Задача состоит в воспитании ответственности; Не в разуме тут сила;* г) *Мне грустно; Ей – семнадцать; Саше не спится;* д) *Он был сторожем; Она здесь учительницей;* е) *У них – новая квартира; У строителя – радость; У нее два сына; У меня есть апельсин* и т. п.

Из сказанного ясно, что понятия морфологической и синтаксической формы слова не совпадают. Понятие синтаксической формы создается не только морфологической формой и предлогом, но также и лексико-грамматической категорией имени (ср.: по *болезни* и по *дороге*; на *память* и на *скатерть* и т. д.). Тогда как количество морфологических форм у имен одинаково (или зависит от типа склонения, если учитывать омоформы), количество синтаксических форм различно – это зависит и от семантики имени, и от сочетаемости его с разными предлогами (в том числе производными), и от значения предлога.

Семантические ограничения вытекают из необходимости соответствия значения слова общему значению данной его синтаксической формы. Естественно, например, что в синтаксической форме “по + дат. п.”, обозначающей путь движения, могут участвовать лишь названия предметов, обладающих некоторой пространственной протяженностью (*по дороге*, *по столу*, *по цветку*, *по щеке*, по не: *по точке*, *по взгляду*, *по нежности*, *по звукам* и т. п.). При этом круг существительных, вступающих в эту форму, значительно шире, свободнее, чем у ее синонима – творительного пути движения (*лесом*, *полем*, *дорогой*, по не: *столом*, *цветком*, *щекой*).

В известном эксперименте И.С. Ильинской с сочетаниями *пишу пером*, *пишу перу*³ по поводу второго сочетания сказано, что оно “неудобно по причине своего фактического значения”, но “вполне возможно грамматически, или, вернее, формально”. Показательно уточнение: противопоставление “формального” “грамматическому” здесь справедливо в смысле “морфологического” и “синтаксического”. На уровне морфологии существует вообще форма дательного падежа. О значении этой формы можно говорить только на уровне синтаксическом, поскольку единого падежного значения не обнаружено, а разные значения в пределах одного падежа создаются в единстве лексического наполнения формы и ее синтаксической функции⁴.

Сочетание *пишу перу* невозможно, очевидно, потому что синтаксической формы типа *перу* со значением адресата нет: в создании такой формы участвуют существительные, называющие лицо или предмет как коллективное лицо (*писать матери*, *писать семье*).

Причины разной степени лексической ограниченности тех или иных синтаксических форм – в истории языка: для современного состояния можно лишь констатировать как сложившийся факт единство лексического и грамматического значений в синтаксической форме слова.

Естественно, что среди синтаксических форм много омонимических совпадений. Например, *за домом* – свободная синтаксическая форма с пространственным значением, а в словосочетаниях *наблюдать за домом*, *следить за домом* – ее омоним, связанная синтаксическая форма. Аналогичное соединение омонимов – в формах *на рыбалку* (свободной со значением направления или цели движения и связанной в словосочетаниях *надеяться*, *рассчитывать на рыбалку*), *над деревом* (со свободным значением пространственным не связанным в словосочетании *сжалиться над деревом*) и т. п. В форме *отцу* совпадают свободное значение адресата, связанное значение, выявляющееся в словосочетаниях *верить отцу*, *завидовать отцу* и т. п., и конструктивно-обусловленное значение субъекта состояния, реализующееся в предложениях типа *Отцу нездоровится*, *Отцу не спится*, *Отцу грустно* и т. п.

В безличных предложениях типа *Его знобит*, *ломает* синтаксическая форма *его* – не связанный винительный прямого объекта, а его омоним – конструктивно-обусловленный винительный субъекта состояния, и подтверждается это тем, что он находится в ряду форм с аналогичным значением субъекта состояния (синонимично *У него оз-*

³ См.: И.С. Ильинская. Управление как проблема лексики и грамматики. “Ученые записки Московского городского педагогического института”, т. V, вып. 1, 1941, стр. 76.

⁴ Ср.: Б. А. Дмитриев. К вопросу об управлении в современном русском языке. В сб. “Вопросы морфологии и синтаксиса современного русского языка”. Новосибирск, 1960, стр. 110.

ноб, ломота), в отличие от объекта в глагольном словосочетании, например *ломать стульях*, где винительный в субъектный ряд не встанет.

Как в лексике неодинаковы расстояния между разными значениями слова в пределах омонимии и полисемии, так между синтаксическими формами – омонимами наблюдается разная степень внутренней связанности. Ср., например: *У дедушки нам весело* (своб.); *У дедушки – сад* (констр.-обусл.); *Взяли книгу у дедушки* (связ.), с одной стороны, и: *В спорте успех приносит трудолюбие* (своб.); *В спорте –ключик долголетию* (констр.-обусл.); *разочаровался в спорте* (связ.) – с другой.

Поскольку в свободных предложно-падежных формах предлоги лексически мотивированы, для этих форм характерны отношения антонимичности и синонимичности, которые создаются соответствующим изменением падежа и предлога при сохранении лексического тождества (*в школе, в доме – вне школы, вне дома; в воду – из воды; на гору – с горы; с умом – без ума; в науке – в сфере науки – в области науки; у околицы – возле околицы – близ околицы* и т. п.). Связанным формам, в которых предлоги лишены реального лексического значения, антонимические отношения несвойственны; синонимические связи между ними весьма ограничены.

В отличие от связанных, свободные синтаксические формы обладают способностью сочетаться друг с другом, не создавая подчинительной связи, в своеобразных “агглютинативных” комплексах, которые не являются ни предложениями, ни словосочетаниями и употребляются в качестве заголовков (*Вокруг света на яхте; Четыре часа за бортом; На конференцию в Гавану; У нас в Казахстане; В гостях у журналистов; С баяном по Швейцарии* и т.п.), а в составе предложений – в качестве усложненных, чаще обособленных определений к имени или с двусторонним отношением к имени и к глаголу (*Отец с биноклем в руках вышел на палубу; Пал с неба сокол с разбитой грудью, в крови на перьях*).

Всякая синтаксическая форма может стать распространенной, если образующее ее слово распространяется по правилам словосочетания. Ср.: *Без путеводаителя туристу трудно ориентироваться.* – *Без толкового путеводаителя неопытному туристу очень трудно ориентироваться в лабиринте незнакомых улиц.*

Важно то, что свободные и конструктивно-обусловленные синтаксические формы в предложении выполняют структурную функцию, функцию организующих предложение структурно-смысловых компонентов, а связанные, управляемые формы, как наречные и адъективные определители, лишь распространяют структурные компоненты, т. е. сами структурной роли не играют⁵.

Неуправляемые, свободные и конструктивно-обусловленные формы в предложении могут также занимать присловную позицию, определять то или иное слово, в результате чего возникает подобие или аналог словосочетания (*встреча в лесу, домик в лесу, люди на площади, работать сторожем, задержка с отчетом, бледный от жары, ссора из-за пустяка* и т. д.). С точки зрения построения предложений существенно, что в присловной позиции неуправляемые формы утрачивают структурную роль.

Аналог словосочетания уподобляется словосочетанию функционально, создавая расчлененное наименование предмета, явления и распространенный компонент предложения. Если словосочетание представляет собой реализацию синтаксических свойств слова вне предложения, до предложения, то аналог словосочетания возникает в предложении и вычленяется из предложения, по аналогии со словосочетанием. Однако по внутренней структуре аналог принципиально отличается от словосочетания отсутствием грамматического подчинения между сочетающимися словами.

Поскольку свободная и конструктивно-обусловленная форма не управляется определяемым словом, не задается им, а существует и вне данного сочетания, о подчинении

⁵ См.: Г.А. Золотова. О структуре простого предложения в русском языке. “Вопросы языкознания”. 1967. – № 6.

можно говорить лишь в логическом смысле: понятие первичное (действие, предмет) подчиняет понятие вторичное (признак действия, предмета).

Отношения между синтаксическими формами и их функциями могут быть обобщены в виде следующей схемы:

Синтаксические функции	Самостоятельная (заголовки)	Компонент предложения	Компонент словосочетания
Синтаксические формы слова			
Свободные	+	+	(+) ⁶
Конструктивно-обусловленные	–	+	(+)
Связанные	–	–	+

Изложенное здесь лишь общее представление о синтаксических формах слова, и притом только имени, может быть развито, дополнено, но не вызывает сомнения необходимость и перспективность изучения свойств первичных синтаксических элементов.

Уже очевидно, что этот подход позволяет пересмотреть или уточнить ряд вопросов, касающихся отношений между предложением и словосочетанием, самого понятия словосочетания, грамматического подчинения, управления. Надо полагать, что более узкое, но более определенное понимание словосочетания, подчинения, управления отвечает интересам научной строгости.

Изучение синтаксических функций неуправляемых синтаксических форм слова позволяет также дифференцировать те факты, которые Н.Ю. Шведова в упомянутой выше статье объединила под названием детерминирующих членов предложения. Оказывается, что в примерах автора одни из этих “детерминантов” участвуют в организации предикативной основы предложений, без них не было бы и самих предложений (*Женщина в обмороке; С погодой не везет; С ним смешное приключение; Между друзьями недоразумения; Сыну пять лет* и т. п.); другие образуют структурный элемент второй ступени, не обязательный структурно, но необходимый семантически, как условие реализации предикативной основы (*Для родителей ты опять мальчишка; В представлении неискушенных лесник – это сторож с берданкой*); третьи распространяют предложение совершенно факультативно, прибавляя дополнительный смысл (*В честь юбиляра был устроен банкет; В результате усилий коллектива достигнуты большие успехи в работе; Минутами на него находила слабость* и т. п.).

Таким образом, синтаксические различия в функционировании и возможностях этих форм настолько существенны, что вряд ли целесообразно их объединять как одно явление.

Приходится признать, что ни морфологическая квалификация зависимых членов (по падежам и предлогам), ни логическая (по характеру отношений к господствующему слову) не открывает еще их реальную роль в организации предложения, в выявлении которой и заключается собственно синтаксическая проблема.

Нельзя не согласиться также с тем, что “агрессия” словосочетания поглотила важные вопросы, касающиеся структуры предложения. Целый ряд синтаксических форм целесообразно изучать не в плане теории словосочетания, а в плане теории предложения, как компоненты его организации. И наоборот: целесообразно признать именно синтаксические формы слов, нераспространенные и распространенные (именно слова, а не словосочетания), строительным материалом для предложения, элементами, из которых предложение организуется. Ведь и глагол не вообще, а в конкретных синтаксических формах

⁶ Плюс в скобках означает участие формы не собственно в словосочетании, а в аналоге его.

служит компонентом организации предложений разных типов: личные формы – одних типов, инфинитив – других; у причастия и деепричастия совсем иные синтаксические функции и возможности. Так же существенны синтаксические различия между краткой и полной формами прилагательных.

Не случайно не удавались попытки определить обобщенную синтаксическую функцию той или иной части речи. Суждения о первичности предметной и вторичности обстоятельственной функции для существительного (Курилович и др.) столь же справедливы избирательно по отношению к одним синтаксическим формам имени, сколь несправедливы по отношению к другим.

Таким образом, плодотворными представляются задачи перераспределения материала между теорией словосочетания и теорией предложения, изучения синтаксических форм как структурно-смысловых компонентов предложения, выяснения их сочетаемости, возможностей и способов соединения.